

Научная статья

УДК 821.161.1.09»19»

DOI 10.18384/2949-5008-2025-3-64-75

ОБРАЗ УСАДЬБЫ И УСАДЕБНОЙ ЖИЗНИ В «ТИХОМ ДОНЕ» М. А. ШОЛОХОВА: НОВАТОРСТВО И РЕЦЕПЦИЯ НАСЛЕДИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО

Андреева В. Г.

*Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва,
Российская Федерация
e-mail: lanfra87@mail.ru*

Поступила в редакцию 12.06.2025

Принята к публикации 15.06.2025

Аннотация

Цель. Исследование рецепции М. А. Шолоховым наследия Л. Н. Толстого и осмысление новаторства советского писателя в изображении образа усадьбы и усадебного топоса в эпопее «Тихий Дон».

Процедура и методы. В статье показаны переключки и соотнесения, идейные связи между эпопеями Толстого и Шолохова, сравниваются герои и характеры, имеющие отношение к усадебной жизни. Отмечается сходство усадебного бытия у обоих писателей, заключающееся в его закрытости, изолированности, наличии внутреннего статичного распорядка. В отличие от Толстого у Шолохова представлен неумолимый и однонаправленный процесс дворянского оскудения, изображены исторический передел и последний этап усадебного существования. Основными методами исследования в работе стали сопоставительный, сравнительно-исторический, метод целостного анализа, аксиологический метод.

Результаты. Творческое освоение Шолоховым находок Толстого способствовало тому, что молодой писатель XX в. смог новаторски подойти к изображению очередного этапа русской жизни и её перелома, показать их в надлежащем масштабе, используя разные степени детализации и генерализации. В работе доказывается, что тема усадебной жизни в её реализации в «Тихом Доне» имеет значимые переключки с её воплощением в «Войне и мире». Многие толстовские герои позволили Шолохову лучше понять усадебную жизнь и образ настоящего помещика. Изображение отца и сына Листницких в «Тихом Доне» стало и данью усадебному прошлому России, и наглядной иллюстрацией окончательного вырождения многих дворян на этапе участия России в Первой мировой войне.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость исследования связана с осмыслением творческого освоения Шолоховым эпических приёмов Толстого, использования писателем XX в. многих уже имевшихся в классической литературе образов и параллелей при безусловном новаторстве последнего. Практическая значимость определяется множеством значимых соотнесений художественных миров, объяснением использованных писателями идей и приёмов.

Ключевые слова: война, имение, Л. Н. Толстой, М. А. Шолохов, рецепция, усадебный топос, усадьба, эпопея

Благодарности и источники финансирования:

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счёт гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00051-П: «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала», <https://rscf.ru/project/22-18-00051>.

Для цитирования:

Андреева В. Г. Образ усадьбы и усадебной жизни в «Тихом Доне» М. А. Шолохова: новаторство и рецепция наследия Л. Н. Толстого // Отечественная филология. 2025. № 3. С. 64–75. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-3-64-75>.

Original research article

THE IMAGE OF THE ESTATE AND ESTATE LIFE IN M. SHOLOKHOV'S "AND QUIET FLOWS THE DON": INNOVATION AND RECEPTION OF L. TOLSTOY'S HERITAGE

V. Andreeva

*A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation
e-mail: lanfra87@mail.ru*

Received by the editorial office 12.06.2025

Accepted for publication 15.06.2025

Abstract

Aim. To study M. Sholokhov's reception of L. Tolstoy's legacy and process the Soviet writer's innovation in depicting the image of the estate and the estate topos in the epic "And Quiet Flows the Don".

Methodology. The article shows echoes and correlations, ideological connections between the epics of Tolstoy and Sholokhov, compares the characters and personalities related to estate life. The similarity of the estate life in both writers is noted, consisting in its closedness, isolation, the presence of an internal static order, as well as its difference, consisting in the fact that in Sholokhov we see an inexorable and unidirectional process of noble impoverishment, a depiction of historical redistribution and the last stage of estate existence. The main research methods in the work were comparative, comparative-historical, the method of holistic analysis, the axiological method.

Results. Sholokhov's creative assimilation of Tolstoy's discoveries contributed to the fact that the young writer of the 20th century was able to take an innovative approach to the depiction of the next stage of Russian life and its turning point, show them on an appropriate scale using different degrees of specification and generalization. The work proves that the theme of estate life in its implementation in "And Quiet Flows the Don" has significant echoes with its embodiment in "War and Peace". Many of Tolstoy's characters allowed Sholokhov to better understand estate life and the image of a real landowner. The image of father and son Listnitsky in "And Quiet Flows the Don" became both a tribute to the estate past of Russia and a clear illustration of the final degeneration of many nobles at the stage of Russia's participation in the First World War.

Research implications. The theoretical significance of the study is associated with the understanding of Sholokhov's creative assimilation of Tolstoy's epic techniques, the use of the 20th century writer many images and parallels already existing in classical literature, with the latter's unconditional innovation. Practical significance is determined by the many significant correlations of artistic worlds, an explanation of the ideas and techniques used by the writers.

Keywords: L. N. Tolstoy, M.A. Sholokhov, epic, reception, estate, estate topos, manor, war

Acknowledgements:

This work was carried out at IWL RAS with financial support of the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00051-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00051>.

For citation:

Andreeva, V. G. (2025). The Image of the Estate and Estate Life in M. Sholokhov's "And Quiet Flows the Don": Innovation and Reception of L. Tolstoy's Heritage. In: *Russian Studies in Philology*, 3, pp. 64–75. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-3-64-75>.

Введение

«Тихий Дон» М. А. Шолохова по праву считается одним из масштабных, ярких и значимых произведений XX в. Написанная в основном с 1925 г. по 1932 г. эпопея реалистично отразила жизнь не только донского казачества, но и всей России в первой четверти XX в. В «Тихом Доне» Шолохову удалось передать множество тем и проблем российской, а потом и советской жизни. При этом лауреат Сталинской премии первой степени (1941), Ленинской премии (1960), лауреат Нобелевской премии по литературе (1965), дважды Герой Социалистического Труда М. А. Шолохов при создании «Тихого Дона» опирался на достижения писателей XIX в., прежде всего, на художественные и идейные открытия первооткрывателя «диалектики души» и автора романа-эпопеи Л. Н. Толстого. Хотя и в литературоведении, и среди рядовых читателей до сих пор принято разграничивать взгляды на историю и действительность на основе общественно-политических убеждений писателей, к примеру, Б. Л. Пастернака и М. А. Шолохова [1], в своём величии и «честности художников», как справедливо отмечает Ф. Ф. Кузнецов, оба писателя явились наследниками русской классической литературы: «Шолохов органично осознавал себя “советским человеком”, что не мешало ему понимать драму тех, кто не влезал в эти рамки» [1, с. 80].

В статье «Литературная критика 1930-х годов о традиции Л. Н. Толстого в “Тихом Доне” Михаила Шолохова» Е. А. Вишнякова обстоятельно показала разнообразные взгляды ранних советских критиков на вопрос преемственности писателя по отношению к наследию Толстого. Автор статьи демонстрирует, что суждения критиков были достаточно поверхностны, касались преимущественно заимствования частных художественных приёмов, «творчески перерабатывая которые» Шолохов «формировал самобытное художественное поле своего романа» [2, с. 35]. Разумеется, наследие Толстого в это время трактовалось достаточно воль-

но, многие параллели просто не могли быть отмечены критикой. Последней не позволялось в советское время констатировать тот факт, что Толстой, прославивший русскую усадьбную жизнь, живший в Ясной Поляне, являясь хорошим хозяином и помещиком, на самом деле отстаивал интересы народа, был одним из настоящих реформаторов дворянской жизни. В своём диссертационном исследовании Е. А. Вишнякова убедительно освещает не только мнения советских критиков, но и позиции критиков русского зарубежья (К. Чхеидзе, Ю. Фельзена, В. Александровой, В. Познера), которые достаточно общо, без глубинного сравнения текстов и образов сопоставляли манеру Толстого и Шолохова, отмечая то новаторство и свободу последнего, то его ученичество [3, с. 182–183]. Ф. Ф. Кузнецов подчеркнул, что наиболее ровным путём к триумфу «Тихого Дона» был именно за рубежом. Исследователь в книге о «Тихом Доне» цитирует слова немецкого писателя Франца Вейскопфа, который в 1929 г. в своей статье дал высокую оценку книге Шолохова, сравнив её с эпопеями Толстого: «Величием своего замысла, многогранностью жизни, проникновенностью воплощения этот роман напоминает “Войну и мир” Льва Толстого» [4, с. 464].

Удивительно, что тема сближений и расхождений Толстого и Шолохова как авторов романов-эпопей поднимается в литературоведении в основном в общих характеристиках произведений. Рассуждая об эпической сущности «Тихого Дона», исследователи не могут не опираться на сопоставления произведения Шолохова с «Войной и миром». Так, в глубокой статье о принципах эпической полноты в «Тихом Доне» С. И. Сухих отмечает разницу между романом, состоящую «в полноте разработки *проблемы*», и эпопей, воссоздающей *полноту жизни* [5, с. 24]. Учёный отмечает, что в художественных мирах Толстого и Шолохова столько проблем, сколько нет ни в одном романе, однако эти спорные моменты необходимо выявлять при скру-

пулезном анализе: «Толстой и Шолохов ничего специально не “ставят” и никаких отдельных вопросов не “решают” ... Перед читателем этих произведений развёртывается просто жизнь со всем её сложным переплетением вопросов, проблем, малых и больших событий, трагедий, комедий, радостей и драм» [5, с. 24].

Данная работа обращена к конкретной проблеме рецепции Шолоховым находок Толстого и его новаторства в изображении образа усадьбы (имения) и усадебного топоса в «Тихом Доне». На первый взгляд, переклички и соотнесения, идейные связи между обеими эпопеями невелики, однако при глубинном сопоставительном анализе исследователью открываются значимые и символические параллели, позволяющие говорить об использовании Шолоховым находок и открытий Толстого, опоре на его опыт, причём не только как автора «Войны и мира», но и других его эпических романов¹. Одной из главных задач статьи является иллюстрация творческого освоения Шолоховым художественных находок и типов героев, характеров, созданных его предшественником и связанных с усадебной культурой XIX – начала XX вв.

Основными методами исследования в работе стали сопоставительный, сравнительно-исторический, метод целостного анализа, аксиологический метод.

Иллюстрация особенностей усадебной жизни на примере имения Ягодное в «Тихом Доне» Шолохова

Изображение народной жизни во всех её видах и проявлениях, представленных в «Тихом Доне», не могло не включить рассказа о жизни дворян, их дворовых и наёмных людей в начале XX в. Усадебную

жизнь с сохранением старых привычек и введением новых, со спецификой отношения хозяев имения к свободным казакам Шолохов показал на примере имения Ягодное и его хозяев – сотника Евгения Листницкого и особенно его отца, старого овдовевшего генерала, пана Николая Алексеевича.

Внешне жизнь и история Николая Алексеевича Листницкого и его сына во многом похожа на историю отца и сына Болконских в «Войне и мире». Сходство есть в ситуации, в которой оказываются герои: старик Болконский безвыездно живёт в своём имении Лысые Горы, в то время как ему давно разрешён въезд в столицу; генерал Листницкий безвыездно живёт в своём имении Ягодное, хотя «земля его – четыре тысячи десятин, – нарезанная ещё прадеду за участие в Отечественной войне 1812 года, находилась в Саратовской губернии)».²

Различаются занятия и увлечения Листницкого, который «держал на своей казачьей паевой и купленной земле табуны, сеял – чужими руками – хлеб, зимой и осенью охотился с борзыми, изредка, запираясь в белом зале, пил неделями»³, и увлечения Болконского: «Сам он постоянно был занят то писанием своих мемуаров, то выкладками из высшей математики, то точением табакерок на станке, то работой в саду и наблюдением за постройками».⁴ Однако читатели обеих эпопей могут увидеть сходство между *закрытостью жизни* в Лысых Горах и Ягодном: в усадьбах жизнь словно замирает, время если не останавливается, то течёт медленнее. Старик Болконский окружил себя множеством образцовых и выдрессированных камердинеров и слуг, а рядом со стариком Листницким живут несколько слуг-помощников: «В имении из дворни, кроме Вениамина, жили: кухарка Лукерья, одрях-

¹ При создании «Тихого Дона» Шолохов опирался не только на роман-эпопею «Война и мир», но в целом на «эпическое мироощущение и эпическое видение жизни», присутствующие в разных произведениях Толстого, на «эпические константы», найденные Толстым: «Рождение и смерть, ситуация войны и образ земли становятся своеобразными критериями в художественных мирах Толстого...» [6, с. 25].

² Шолохов М. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. Тихий Дон. М.: Художественная литература, 1975. С. 163.

³ Там же.

⁴ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 9. М.: Художественная литература, 1937. С. 106.

левший конюх Сашка, пастух Тихон, поступивший на должность кучера Григорий и Аксинья».¹ Однако главное сходство жизни в имениях в том, что *внутренний распорядок её не меняется*, никакой внутренней динамики тут нет. Толстой не пишет об этом прямо, не даёт ярких и однозначных характеристик, ведь усадебный образ жизни был характерен для его предков, однако он показывает тягостную жизнь княжны Марьи, повторение в Лысых Горах похожих дней с одинаковым распорядком. Шолохов не сдерживался в характеристиках усадебной жизни, подчёркивая замкнутый и ущербный её характер: «В сонной одуре плесневела в Ягодном жизнь»²; «Меняясь, дул ветер то с юга, то с севера; плыло в синеватой белизне неба солнце; наступая на подол лету, листопадом шуршала осень, зима наваливалась морозами, снегами, а Ягодное так же корёжилось в одубелой скуке, и дни, отгородившие имение от остального мира, проходили, похожие, как близнецы».³

И Толстой, и тем более Шолохов иллюстрируют, что для молодого и активного человека жизнь в таком добровольном усадебном затворе противоестественна. Перед нами, по сути, пример внутренней эмиграции двух престарелых дворян (и их наследников), избирающих для себя различные стратегии выживания и устраивающих собственный порядок жизни. Разумеется, Толстой не мог, да и не желал давать образу существования старика Болконского негативных оценок, однако при этом писатель не преминул показать ущербность затворничества без общения с людьми и расширения жизни (это одна из ключевых идей позднего Толстого). Толстой вкладывает описание тяжести жизни в Лысых Горах в уста князя Андрея и княжны Марьи:

«– Ты живёшь в деревне и находишь эту жизнь ужасною, – сказал он (князь Андрей. – В. А.).

– Я другое дело. Что обо мне говорить! Я не желаю другой жизни, да и не могу желать, потому что не знаю никакой другой жизни. А ты подумаю, Andre, для молодой и светской женщины похорониться в лучшие годы жизни в деревне...»⁴

Шолохов же намеренно повторяет выбранное им удачное определение: «За всё время случилось лишь два события, встряхнувшие *заплесневелую в сонной одуре жизнь*: Аксиньины роды да пропажа племенного гусака» (курсив наш. – В. А.).⁵ Можно условно сказать, что Лысые Горы также потрясают лишь два значимых события (за исключением, пожалуй, приезда Анатолия Курагина с отцом) – весть о гибели князя Андрея, которая оказывается ложной, и роды маленькой княгини. Нельзя исключать, что, создавая образ Ягодного, Шолохов ориентировался на находки и типы Толстого, ведь для последнего были неприемлемы застой, отсутствие развития и движения. Толстой, а вслед за ним Шолохов показывают, что попытка замкнутого обособления и поиска маленького личного счастья в своём мирке не удовлетворяет героев (Андрея Болконского, Пьера Безухова, Григория Мелехова. В некоторой степени и Евгения Листницкого, хотя у него неудовлетворённость трансформируется не в желание поиска себя, а в негативное чувство ненасыщенности и использования других себе во благо). А. А. Просвирина справедливо замечает, что полная стагнация в Ягодном выглядит драматической и нехарактерной для шолоховского текста, который отличает «движение, текучесть, изменчивость» как «обязательные спутники полноты жизни» [7, с. 108]. Отметим, что к такому же движению всегда стремился и Толстой. И. С. Сухих не случайно срав-

¹ Шолохов М. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. Тихий Дон. М.: Художественная литература, 1975. С. 163.

² Там же. С. 166.

³ Там же. С. 194.

⁴ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 9. М.: Художественная литература, 1937. С. 129.

⁵ Шолохов М. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. Тихий Дон. М.: Художественная литература, 1975. С. 194.

нил образ жизни-реки у Шолохова с толстовским сравнением «Люди – как реки» [5, с. 24].

В обеих эпопеях этапы жизни Болконских и Листницких прочно связаны с их имениями как родовыми гнёздами. Конечно, Ягодное значительно отличается от Лысых Гор по размаху и уровню жизни, перед нами разные дворянские владения: у Болконского – крупнопоместное, учитываемая и тот факт, что сам князь относил себя к высшей аристократии. У Листницкого – колеблющееся между среднепоместным и мелкопоместным. Имеет значение состояние этих имений, типы построек, расположенные на территории, образ самого жилого дома. Разумеется, всё это зависело и от описываемой эпохи, крепостнической у Толстого и предреволюционной у Шолохова. В романе-эпопее «Война и мир» можно видеть хорошо слаженное и широко организованное десятками и сотнями людей хозяйство, постройки дворцового типа, где уже один огромный кабинет старого князя Болконского, наполненный беспрестанно употребляемыми вещами, позволяет сделать вывод не просто об удобной, выверенной, но роскошной и наполненной излишествами, пусть и однообразной жизни. Несмотря на возраст старшего Болконского, в начале романа-эпопеи он ещё полон сил и задора, Толстой показывает в нём «упорную и много выдерживающую силу свежей старости», а его хозяйство «не стареет», а идёт вперёд заведённым порядком.

Несколько иная картина в эпопее «Тихий Дон». Первый же взгляд на Ягодное позволяет читателю оценить состояние имения. Причём в художественном мире эпопеи Шолохова важно, что это не взгляд повествователя, а взгляд Григория Мелехова – человека молодого, работоспособного, из хозяйственной и трудолюбивой семьи, знающего порядок и при этом решительного и горячего. Мелехов не был в усадьбах-дворцах, но он вполне может с позиции мужчины-хозяина оценить быт Листницких. Григорий описывает Ягодное объективно, не завидуя генералу и его сыну, не проти-

ваясь внутренне классовому расслоению, но подмечая одновременно и состоятельность имения, и его всё увеличивающееся запустение: «По большому двору, обнесённому кирпичной облупленной оградой, нескладно раскинулись дворовые постройки: флигель под черепичной крышей, с черепичной цифрой посередине – 1910 год, – людская, баня, конюшня, птичник и коровник, длинный амбар, каретник. Дом большой, *старый*, огороженный со стороны двора палисадником, *ютился* в саду. За домом серую стеною стояли *оголённые* тополя и вербы левады в коричневых шапках *покинутых* грачиных гнёзд» (курсив наш. – В. А.).¹ Григория встречают за двором не люди, не работники или дворовые, а «ватага крымских чёрных борзых», причём первой обнюхивает героя «старая хромая сука, со слезящимся старушечьим взглядом».²

Фактически отмеченные элементы запустения связаны с отсутствием в имении Листницких людей, которых нанимали только на летние работы, причём год от года всё меньше. Шолохов показывает, как процесс дворянского оскудения нарастал по мере движения русской жизни к революции. Если в XIX в., особенно до отмены крепостного права, усадебная действительность полностью держалась на крестьянах, то на рубеже XIX–XX вв. оставшиеся помещики и дворяне были вынуждены нанимать людей, самостоятельно организовать и продумывать ход годовых работ. Увиденные Мелеховым в начале романа черты нескладности в Ягодном – это, скорее всего, попытка автора показать неумолимость начавшегося процесса дворянского обнищания, вырождения, разорения. На самом деле, Ягодное в начале «Тихого Дона» оказывается вполне успешным имением, которое опустеет и разительно изменится через несколько лет, в революционное время.

¹ Шолохов М. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. Тихий Дон. М.: Художественная литература, 1975. С. 155.

² Там же.

И Лысые Горы, и Ягодное образуют для Болконских и Листницких соответственно образ дома, крепости. С великим нетерпением пан Листницкий ждёт домой своего сына Евгения. Два времени, два века в обеих книгах сближены за счёт войн и неприятия от них в усадьбной жизни. Только если в «Войне и мире» можно видеть временные сложности (возмущения и непослушания крестьян), которые разрешаются после завершения войны 1812 г., то в «Тихом Доне» показано, как оскудевшие и обнищавшие за время Первой мировой войны усадьбы переживают последние времена и исчезают в круговороте революционных событий, прекращая своё прежнее существование. Если в «Войне и мире» есть понятие врага, вторгшегося на русскую землю, а главная задача состоит в вытеснении неприятеля с территории страны, то в «Тихом Доне» идёт исторический передел земли и богатств: показано завершение усадьбного бытия как формы и образа жизни.

Шолохову удаётся рассказать историю существования, процветания и последующего разорения имения Ягодное всего в нескольких подробных главах (не последовательно данных, а представленных в первой и второй книгах эпопеи и иллюстрирующих определённые финальные стадии жизни русской усадьбы). При этом основным приёмом в изображении усадьбы становится приём контраста: сначала Шолохов демонстрирует уже устоявшуюся жизнь дворян, в которую только вкрадываются мотивы оскудения (как уже отмечалось). Символично, что этот этап в эпопее ассоциируется и с пиком личного счастья Григория и Аксиньи, которые перебираются на жительство и службу в Ягодное, где они проживают фактически как супруги и где у них рождается дочь.

Во время Первой мировой войны недостаток ресурсов и их дефицит сказываются на Ягодном, прежде всего, имеет значение отсутствие рабочих рук, необходимых для поддержания усадьбного быта. Война забирает людей, на плечах которых лежали важные функции по организации быта в

имении, более того, уход жителей имения делает жизнь ещё однообразнее: «Война и из Ягодного повыдергала людей. Ушли Вениамин и Тихон, после них стало ещё глуше, тише, скучнее».¹ Однако имение не оскудевает полностью, наличие хозяина и заведённого порядка имеют тут большое значение, обязанности перераспределяются, но дело не бросается, потому что остаются люди, готовые служить делу: «Вместо Вениамина прислуживала старому генералу Аксинья; толстозадая, не худеющая Лукерья приняла на себя работу чёрной кухарки и птичницы. Дед Сашка совмещал обязанности конюха с охраной сада, лишь кучер был новый – степенный, престарелый казак Никитич».² Наконец, и сам хозяин не чувствует разительных изменений в своём существовании, несмотря на сложности, он продолжает оставаться барином, чьи указания и слова являются в Ягодном законом: «Подлинно нечего было писать старому Листницкому о своей жизни, волочилась она, по-старому однообразная, неизменная, лишь рабочие руки поднялись в цене да ощущался недостаток в спиртном».³

Некоторое условное «возрождение» Ягодное переживает с приездом женившегося Евгения Листницкого. Но это возрождение становится иллюзорным, Шолохов изображает его как кратковременное улучшение состояния больного перед смертью. Дело заключается и в историческом моменте (надвигающейся революции), и в остаточном принципе жизни Листницкого, который приезжает в Ягодное не хозяином, а постояльцем, желающим обрести «тихую пристань». Шолохов мастерски показывает внешние небольшие перемены в быте обитателей Ягодного с появлением Ольги, которые заключаются, в основном, в отказе от прежней свободной неряшливости. Фактически незадолго перед разорением Ягодного покидает его Аксинья.

¹ Шолохов М. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. Тихий Дон. М.: Художественная литература, 1975. С. 318.

² Там же.

³ Там же. С. 332.

Повествователь не скрывает, что именно она становится инициатором последней близости с Евгением Листницким, уже женатым. Шолохов не осуждает Евгения Листницкого, не даёт прямых характеристик и оценок его поведению, выбору, образу жизни, однако читатель видит, что на многих дворян писатель распространяет разнузданный и дикий инстинкт, которым жил этот герой, согласно которому Евгений утверждал: «Мне всё можно».

Наконец, финальный этап Ягодного, его закат читатель может наблюдать также глазами Григория Мелехова, который ненадолго заезжает в оставленные хозяевами имение. Ещё раз обратим внимание и на принцип контраста, который у писателя использован вместе с приёмом соотнесения и градации. С одной стороны, брошенное имение мало похоже на прежнее живое Ягодное, с другой стороны, обозначенный в самом начале описания мотив запустения открывает нам стадию уже отмечаемого ранее процесса: «Грустью и запустением пахнуло на Григория, когда через поваленные ворота въехал он на заросший лебедью двор имения. Ягодное стало неузнаваемым. Всюду виднелись страшные следы бесхозяйственности и разрушения. Некогда нарядный дом потускнел и словно стал ниже. Давным-давно не крашеная крыша желтела пятнистой ржавчиной, поломанные водосточные трубы валялись около крыльца, кособоко висели сорванные с петель ставни, в разбитые окна со свистом врывался ветер, и оттуда уже тянуло горьковатым плесневелым духом нежили».¹

Два поколения хозяев имения: стабильное дворянское прошлое и закат усадьбы жизни

Далее обратимся к образам героев и жизненным ситуациям, в которых они оказываются. И старик Болконский, и генерал Листницкий живут достаточно одиноко как уже пожилые вдовцы, у обо-

их есть сыновья-военные. Как понимают читатели эпopeй, для обоих хозяйство и образ жизни значат немало, однако высшей ценностью для них являются всё-таки люди, особенно близкие им и дорогие.

При знакомстве читателей со старым князем Болконским и генералом Листницким – людьми гордыми, честолюбивыми, имеющими по поводу всех предметов и вопросов своё веское мнение – не сразу открывается их глубокая и чувствительная сторона души. О ней читатель узнаёт, созерцая героев отнюдь не в рядовых условиях, когда ровное течение усадьбы жизни прерывается серьёзным событием. Таким событием, нарушающим спокойный распорядок жизни, для князя Болконского становится весть о гибели сына (письмо Кутузова), а также рождение внука и смерть невестки: «Он стоял у самой двери, и, как только она отворилась, старик молча старческими, жёсткими руками, как тисками, обхватил шею сына и зарыдал, как ребёнок».² Или вспомним генерала Листницкого, когда тот узнаёт о болезни дочери Аксиньи, маленькой Танюши: он негодует по поводу запоздавшего признания Аксиньи и даже угрожает врачу, обещая его вылечить девочку: «Скажи ему, что он болван! Скажи ему, что он не уедет отсюда до тех пор, пока не вылечит мне девочку! Во флигеле отведи ему комнату, корми его! – закричал старик, потрясая костистым кулаком. – Пои его, корми, как на убой, а у-е-хоть... не уедет! – Оборвав, подошёл к окну, побарабанил пальцами и, подойдя к увеличенной фотографии сына, снятого на руках у няни, отступил два шага и долго смотрел шурясь, словно не узнавая».³

Отец и сын Болконские как представители одной из лучших дворянских семей чувствуют свою преемственность, ощущают свои родовые черты. Внимательный реципиент поймёт, что в отличие от генерала Листницкого его сына Евгения ав-

¹ Шолохов М. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 4. Тихий Дон. М.: Художественная литература, 1975. С. 42.

² Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 10. М.: Художественная литература, 1938. С. 41.

³ Шолохов М. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. Тихий Дон. М.: Художественная литература, 1975. С. 333.

тор не считает настоящим помещиком и дворянином. Не случайно, представляя гостей Сергея Платоновича Мохова (ещё до знакомства читателей с Листницкими), Шолохов замечает: «Изредка наезжал из своего имения гостивший у отца – помещика и дворянина – молодой сотник Евгений Листницкий».¹ Обособление с помощью тире в предложении не случайно, Шолохов подчёркивает разницу в отце и сыне Листницких.

Уважая воинский долг и считая исполнение его не переменным делом мужчины, князь Болконский и пан Листницкий отправляют на войну (Отечественную войну и Первую мировую войну) своих сыновей. Однако при всём относительном сходстве образов пожилых героев, Андрея Болконского и Евгения Листницкого можно сравнить преимущественно внешне, лишь с позиции их разочарования в войне. В. С. Воронин сравнивает этические модели и поведение разных героев в эпосах Толстого и Шолохова, не раз проводя параллель между Андреем Болконским и Григорием Мелеховым [8, с. 43]. Разумеется, с точки зрения поиска себя, внутреннего благородства и гордости эта параллель намного уместнее.

А. А. Просвирина справедливо подчеркнула низкое и недостойное поведение Евгения Листницкого, которое не характерно для дворянина, превыше всего чтущего честь и достоинство, а свойственно для человека, использующего своё положение и временное превосходство над другими для продвижения собственных низких интересов. Исследователь отмечает, что младшего Листницкого отличает недостойное поведение, которое он допускает в Ягодном: «Для сотника – это единственный дом, который он знает, однако в этом доме он позволяет себе недостойное поведение, настойчиво преследуя Аксинью. Унылая атмосфера Ягодного разрушает и счастье Григория и Аксиньи. Не выдержав горя от потери дочери и одиночества, Аксинья поддаётся преследованиям “пожалевшего”

её Евгения. Молодой пан, сотник, хотя и одевается по-казацки и носит чуб на левую сторону, не стремится соблюдать ни дворянскую честь, ни казацкую» [7, с. 108].

Евгений Листницкий, который начинает везде искать Аксинью, не стесняется людей и просиживает целые часы у Григория в людской, пользуясь его отсутствием, смотря на Аксинью «бесстыдным улыбочным взглядом».² Этот герой несколько напоминает Дмитрия Нехлюдова из романа «Воскресение» Толстого в худшие минуты его помрачения, когда Нехлюдовым овладевает животная страсть. Символично, что, отвезя Евгения в вербное воскресенье в указанное место, Григорий, возвращаясь, чуть не погибает на реке, на которой ночью сломало лёд (вспоминается сцена из романа «Воскресение», когда Нехлюдов пытается побороть возрастающее в нём животное начало под звуки ломающегося на реке льда).

И. П. Щеблыкин, характеризуя тип художественного повествования в «Тихом Доне», отметил безусловное преимущество эпоса Шолохова даже перед «Войной и миром». Оно, по мнению исследователя, состоит в том, что Шолохов «сумел представить жизнь народа в своём собственном имманентном... проявлении» [9, с. 29]. И. П. Щеблыкин пишет: «...в эпосе XIX в. народная среда раскрывается преимущественно с голоса повествователя. И лишь в шолоховском эпосе народные персонажи действуют в своей внутренней “импульсивности”. Следствием этого и является в романе [как жанре] та гигантская вспышка духовно-нравственной энергии, которая ожидалась, предполагалась в литературе, но явлена в достаточном объёме именно в “Тихом Доне»» [9, с. 30]. Указанная И. П. Щеблыкиным импульсивность и свобода поведения героев очень хорошо видны в расправе Григория с Евгением Листницким. Григорий избивает его за себя и за Аксинью: «Григорий коротко взмахнул кнутом, со страшной силой ударил сотника по лицу. Перехватив кнут, он

¹ Шолохов М. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. Тихий Дон. М.: Художественная литература, 1975. С. 107.

² Там же. С. 167.

бил кнутовищем по лицу, по рукам, не давая сотнику опомниться. Осколок разбитого пенсне врезался тому выше брови. На глаза падали кровавые струйки. Сотник вначале закрывал лицо руками, но удары учащались. Он вскочил с лицом, обезображенным подтеками и яростью, пробовал защищаться, но Григорий, отступая, ударом в кисть парализовал ему правую руку.

– За Аксинью! За меня! За Аксинью! Ишо тебе за Аксинью! За меня!

Кнут свистал. Мягко шлёпали удары».¹

Обратим внимание, что для расправы с сотником Григорием используется кнут, которым Мелехов стегал лошадей. Отдалённо такая месть заставляет читателя задуматься о параллели между сотником Листницким и жеребцом. Уместно в данном случае вновь вспомнить Дмитрия Нехлюдова, который разительно изменяется после своего первого визита к тётушкам под влиянием дурного общества и службы. «Теперь он был развращённый, утончённый эгоист, любящий только своё наслаждение»², – пишет Толстой. Очень одинаково относятся сбившийся с пути Нехлюдов и Листницкий к женщинам, женщина является для обоих «одним из лучших орудий испытанного уже наслаждения».³ Толстовское описание жеребца в «Воскресении» очеловечено, читатель невольно проводит параллель между этим жеребцом и едущим на нём Нехлюдовым, который встал на путь животного инстинкта: «Дороги до церкви не было ни на колёсах, ни на саниах, и потому Нехлюдов, распорядившись как дома у тётушек, велел оседлать себе верхового так называемого “братцева” жеребца и, вместо того чтобы лечь спать, ... поехал на развешенном, отяжелевшем и не перестававшем ржать старом жеребце, в темноте, по лужам и снегу, к церкви».⁴ Возвращаясь к эпопее Шолохова, отметим, что подобную

сцену расправы мужика (пусть и казака) с дворянином сложно представить как у Толстого, так и у других писателей-классиков XIX в.

Поистине в духе эпизодов Толстого и особенно охоты в «Войне и мире» создана Шолоховым сцена охоты Григория и пана Листницкого, загона волка. Шолохов, как и Толстой, большое внимание уделяет описанию погони, нападениям собак на волка, на первых порах уходящего от преследователей и своры. Толстой особо выделяет среди собак старого кобеля Карая, Шолохов – седого кобеля Ястреба. В сценах охоты в своей искренности и молодецкой силе, в умении жить порывом Григорий очень напоминает Николая Ростова. Оба писателя показывают, что охота объединяет людей вне зависимости от их социального статуса и положения: помещики на время охоты сближаются со служащими у них людьми, Григорий ощущает себя во время азарта охоты наравне с Листницким, как и Данило с Николаем Ростовым.

Заключение

Обобщая и продолжая наблюдения И. П. Щерблыкина, А. А. Тимакова отметила разную приближённость Толстого и Шолохова к описываемым событиям: «...если Л. Н. Толстой с определённой временной дистанции характеризует и оценивает события, то М. А. Шолохов выступает как их непосредственный свидетель, и вектор его внимания направлен в первую очередь на частные проявления жизни, складывающиеся затем во всеобщую, эпическую картину» [10, с. 28]. Однако нельзя не учитывать, что без глобального замысла автора, без единой концепции, понимания места и значения каждого эпизода, эволюции героев «частные проявления» не сложились бы в настоящий эпос. Как представляется, именно творческое освоение Шолоховым находок Толстого способствовало тому, что молодой писатель XX в. смог новаторски подойти к изображению очередного этапа русской жизни

¹ Шолохов М. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. Тихий Дон. М.: Художественная литература, 1975. С. 349.

² Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 32. М.: Художественная литература, 1936. С. 47.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 54.

и её перелома, показать их в надлежащем масштабе, используя разные степени детализации и генерализации. Тема усадебной жизни в её реализации в «Тихом Доне» имеет значимые переклички с её воплощением в «Войне и мире». По всей видимости, многие толстовские герои позволили Шолохову лучше понять усадеб-

ную жизнь и образ настоящего помещика. Изображение отца и сына Листницких в «Тихом Доне» стало и данью усадебному прошлому России, и наглядной иллюстрацией окончательного вырождения многих дворян на этапе участия России в Первой мировой войне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Молодяков В. Нобелевские премии по литературе: «Доктор Живаго» (1958) и «Тихий Дон» (1965) // Родина. 2004. № 4. С. 79–80.
2. Вишнякова Е. А. Литературная критика 1930-х годов о традиции Л. Н. Толстого в «Тихом Доне» Михаила Шолохова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9–1 (75). С. 33–36.
3. Вишнякова Е. А. Роман М. А. Шолохова «Тихий Дон» в литературной критике конца 20-х – начала 40-х годов XX века: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 212 с.
4. Кузнецов Ф. Ф. «Тихий Дон»: судьба и правда великого романа. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 864 с.
5. Сухих С. И. Принцип эпической полноты в сюжете и композиции «Тихого Дона» // Мир Шолохова. 2014. № 1. С. 23–27.
6. Феномен эпического романа в русской литературе второй половины XIX века: И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский / под науч. ред. В. Г. Андреевой. Кострома: Костромской государственной университет, 2022. 512 с.
7. Просвирина А. А. Изображение имения «Ягодное» в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» // Русский язык в евразийском культурном пространстве. Сургут: Сургутский государственный педагогический университет, 2023. С. 107–109.
8. Воронин В. С. Этические модели мира в «Войне и мире» Л. Н. Толстого и в «Тихом Доне» М. А. Шолохова // Мир Шолохова. 2023. № 1 (19). С. 42–52.
9. Щеблыкин И. П. Тип художественного повествования в «Тихом Доне» М. А. Шолохова // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2009. № 1. С. 28–33.
10. Тимакова А. А. Категория эпического в творчестве Л. Н. Толстого и М. А. Шолохова: вопросы сопоставительной характеристики // Литература в школе. 2018. № 4. С. 26–28.

REFERENCES

1. Molodyakov, V. (2004). Nobel Prizes in Literature: Doctor Zhivago (1958) and Quiet Flows the Don (1965). In: *Rodina*, 4, 79–80 (in Russ.).
2. Vishnyakova, E. A. (2017). Literary Criticism of the 1930s on the Tradition of L. N. Tolstoy in “Quietly Flows the Don” by Mikhail Sholokhov. In: *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*, 9–1 (75), 33–36 (in Russ.).
3. Vishnyakova, E. A. (2017). *Sholokhov's Novel Quiet Flows the Don in Literary Criticism of the Late 1920s – Early 1940s: [dissertation]*. Moscow (in Russ.).
4. Kuznetsov, F. F. (2005). “Quiet Flows the Don”: the fate and truth of the great novel. Moscow: IMLI RAS Publ. (in Russ.).
5. Sukhikh, S. I. (2014). The principle of epic completeness in the plot and composition of “Quiet Flows the Don.” In: *The World of Sholokhov*, 1, 23–27 (in Russ.).
6. Andreeva, V. G., ed. *The phenomenon of the epic novel in Russian literature of the second half of the 19th century: I. A. Goncharov, I. S. Turgenev, L. N. Tolstoy, F. M. Dostoevsky*. Kostroma: Kostroma State University Publ. (in Russ.).
7. Prosvirina, A. A. (2023). The image of the estate “Yagodnoye” in the novel by M. A. Sholokhov “Quiet Flows the Don.” In: *Russian language in the Eurasian cultural space*. Surgut: Surgut State Pedagogical University Publ., pp. 107–109 (in Russ.).
8. Voronin, V. S. (2023). Ethical models of the world in “War and Peace” by L. N. Tolstoy and in “Quiet

- Flows the Don” by M. A. Sholokhov. In: *The World of Sholokhov*, 1 (19), 42–52 (in Russ.).
9. Shcheblykin, I. P. (2009). The type of artistic narrative in “Quiet Flows the Don” by M. A. Sholokhov. In: *Bulletin of the Moscow State Humanitarian University named after M. A. Sholokhov. Philological sciences*, 1, 28–33 (in Russ.).
 10. Timakova, A. A. (2018). The category of the epic in the works of L. N. Tolstoy and M. A. Sholokhov: issues of comparative characteristics. In: *Literature at school*, 4, 26–28 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Андреева Валерия Геннадьевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук;
ORCID: 0000-0002-4558-3153; e-mail: lanfra87@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valeria G. Andreeva – Dr. Sci. (Philology), Leading Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences;
ORCID: 0000-0002-4558-3153; e-mail: lanfra87@mail.ru